

МИНСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Кафедра церковной истории
и церковно-практических дисциплин

Священник Гордей Щеглов

ОТНЯТЫЙ КРЕСТ

Минск
«Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске
Минской епархии Белорусской Православной Церкви»

2013

УДК [271.22-726.4+94](476)“1863”
ББК 86.372(4БИ)
Щ33

Рекомендовано к публикации Издательским советом
Белорусского Экзархата Русской Православной Церкви.
Решение № 58 от 03.09.2013.

Щеглов, Г. Э.

Щ33 Отнятый крест / священник Гордей Щеглов. – Минск : Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске Минской епархии Белорусской Православной Церкви, 2013. – 40 с. : ил.

ISBN 978-985-6978-83-1.

Издание посвящено памяти псаломщика Федора Юзефовича, убитого в 1863 году польскими повстанцами. В нем подробно описаны обстоятельства его гибели, а также история о том, как памятный крест, поставленный Юзефовичу в 1911 году, во время польской оккупации Западной Белоруссии был демонтирован и установлен на могиле повстанцев.

Издание рассчитано на широкий круг читателей, интересующихся историей Беларуси.

УДК [271.22-726.4+94](476)“1863”
ББК 86.372(4БИ)

ISBN 978-985-6978-83-1

© Щеглов Г. Э., 2013

ОТНЯТЫЙ КРЕСТ

150 лет минуло со времени польского восстания 1863–1864 годов, вспыхнувшего на землях Польши, Белоруссии, Литвы и Украины, входивших некогда в пределы Речи Посполитой. События этого восстания, а вернее их трактовка, по сегодняшний день остаются камнем преткновения и предметом споров между представителями различных политических и этнокультурных взглядов и ориентаций. Так, в нашей стране сформировался целый пласт литературы, представляющей восстание едва ли не белорусским национальным делом, героической борьбой белорусского народа за независимость и т. п. Естественно, появились и свои «герои». Однако если для польской историографии героико-патриотический пафос в освещении тех событий понятен и логичен, то для нашей национальной истории является неестественным и надуманным, искусственно насаждаемым в общественном сознании. Для польского национального самосознания освободительные восстания XIX столетия действительно окружены ореолом героической борьбы за восстановление утраченной государственности, овеяны духом жертвенности, мужества, пламенного патриотизма. Но у нас ведь своя история...

Хочется напомнить, что повстанческие идеи, пропагандируемые польскими патриотами, остались чуждыми

белорусскому населению и не нашли в его среде широкого отклика. Восстание поддержала лишь незначительная часть населения, чаще всего польского происхождения или считавшая себя поляками: шляхта, ксендзы, мелкие чиновники, гимназисты, помещичья челядь и т. п. Показательно, что подавляющая масса участников восстания принадлежала римо-католическому исповеданию¹. А ведь для самосознания того времени «католик» значило «поляк», а «православный» – «русский». Белорусы же, как известно, в основном были православными.

Белорусский народ не только не сочувствовал восстанию, но с каждым днем все более проникался ненавистью к повстанцам, видя многочисленные злодеяния, совершаемые ими: сотни ни в чем неповинных людей были убиты, искалечены и часто с изуверской жестокостью. Среди убитых повстанцами мирных жителей оказались поляки, русские, евреи, иностранцы, католики и православные, люди самых различных званий, профессий и положения. Их вешали, стреляли, забивали до смерти. Повстанцы грабили местечки, деревни, разоряли и поджигали церкви, жгли дома и целые поселения. Немало пострадало в те дни и православно-духовное сословие. Чего только не пришлось вынести православному духовенству от повстанцев – угрозы, издевательства, побои, грабежи. Совершались и убийства.

Одному из православных церковнослужителей, убитому в 1863 году повстанцами, и посвящено это небольшое исследование. Речь пойдет о псаломщице Федоре Яковлевиче Юзефовиче, служившем в селе Святая Воля Пинского уезда Минской губернии.

Сведений о его жизни сохранилось совсем немного. Почерпнуты они из формулярного, то есть послужного,

¹ Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 1418. Оп. 3. Д. 1.

списка Юзефовича. Он родился в местечке Телеханы Пинского уезда в семье священника. Образование получил в уездном духовном училище, которое окончил в 1847 году. В течение последующих лет служил то на должности пономаря, то псаломщиком при разных церквях Минского уезда. В 1860 году Минским архиепископом Михаилом (Голубовичем) был посвящен в стихарь², а 25 марта 1861 года определен псаломщиком к Крестовоздвиженской церкви в село Святая Воля³. Вот и все. Ничем не примечательная жизнь. Обычный сельский дьячок – служил в храмах, крестьянствовал. Но... трагическая смерть Федора Юзефовича навсегда вписала его имя в хроники белорусской истории. Роковой 1863 год обратил на этого «маленького» человека внимание не только современников, но и потомков!

Итак, вернемся к событиям восстания...

По воспоминаниям знавших Федора Юзефовича людей, это был «истинно русский человек», глубоко преданный отечеству. Сохранились сведения, что во время восстания он однажды догнал и отнял у некоего пана Кобылинского, избежавшего правительственных «рогатов» для осмотра проезжающих, порох и провизию для повстанцев⁴. Впрочем, насколько эта информация достоверна, сказать трудно. Но, как бы то ни было, именно за патриотические убеждения Юзефович стал жертвой повстанцев.

---

² **Стихарь** (греч. stihos – стих, строка, прямая линия) – священническая одежда, прямая, длинная, с широкими рукавами. Эта одежда усвоена всем трем степеням священства (диакон, священник, епископ). У священника и архиерея стихарь называется подризником. В стихарь облачаются также иподиаконы, а по благословению епископа, чтецы и певцы.

³ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 40834. Л. 269 об.

⁴ *Скрынченко Д. Ф. Я. Юзефович (повешен поляками 1 июня 1863 г.) // Минские епархиальные ведомости. – 1909. – № 11. – С. 273.*

Драматические события произошли в нескольких верстах от Святой Воли, в деревне Великая Гать, где находилась усадьба священника и дом псаломщика.

1 июня 1863 года около 10 часов утра в дом Юзефовича пришли два неизвестных человека и, сказавшись путниками, попросили их накормить. Сам Федор в это время находился где-то на огородах. Жена его Доминика Адриановна приняла незнакомцев и приготовила для них угощение. За едой «странники» завели разговор с отцом Федора – заштатным священником Яковом Юзефовичем, проживавшим в доме сына со времени увольнения от должности настоятеля церкви села Телеханы. Во время беседы хозяйка заметила, что эти люди «не здешней стороны», и, заподозрив в них повстанцев, послала за мужем.

Узнав о подозрениях супруги и, видимо, почувствовав недоброе, Федор Яковлевич, прежде чем идти домой, зашел к соседу-крестьянину, чтобы с его помощью при необходимости задержать подозрительных людей. Придя в дом, он стал расспрашивать незнакомцев, кто они и откуда. Но тут неожиданно вбежал в комнату испуганный старший сын Юзефовичей Алексей и сообщил, что «в село идут поляки». Все устремились к выходу, чтобы узнать, кто именно приближается к деревне. Между тем находившиеся в доме незнакомцы, а это были «передовые» повстанческого отряда, стали убеждать, что идут русские казаки, и, сделав испуганный вид, просили спрятать их куда-нибудь. Этой притворной игрой они, видимо, хотели спровоцировать или сбить с толку Федора и тем задержать его в доме. Однако когда все убедились, что в деревню входят повстанцы, Федор Яковлевич, прекрасно понимая, что для него ничего доброго от встречи с ними не будет, хотел было бежать. Но один из незнакомцев выхватил револьвер и, приставив его к груди

*Подобные листовки поляки распространяли накануне восстания
1863–1864 годов*

Прокламация, найденная в обозе повстанческого отряда Нарбута, разогнанного 15 июля 1863 года русскими военными в Пинском уезде Минской губернии.

Надписи на прокламации: «Это ты, поп, будешь так висеть, если не исправиться!!! Если у тебя еще чешется язык брехать в церкви хлопам бредни, то лучше наколи его шпилькой!! А вороны будут насыщаться твоим телом!!! Ах, какая же это будет позорная смерть???»

псаломщика, грозно закричал: «Стой! Никуда не пойдешь! Ступай за мной в корчму!» К этому времени повстанческий отряд численностью около 200 человек уже вошел в деревню⁵. Предположительно это была часть большого отряда, рассеянного 21 мая у местечка Миловиды Слонимского уезда⁶.

Схватив Юзефовича, повстанцы отвели его в корчму. Там над ним стали издеваться и упрекать в том, что он убеждал крестьян устраивать караулы и наблюдать за повстанцами, «чтобы не пропустить кого без вида», настраивал односельчан вооружаться против них, когда те «хвалились сжечь» Великую Гать, как сожгли Святую Волю. Объявив, что ему осталось «всего полчаса времени до смерти», начальник отряда⁷ велел отправить Юзефовича под караулом к местному священнику Николаю Стояновичу. Между тем жена Федора с пятью детьми со слезами отчаянно умоляли повстанцев помиловать его. Отец – священник-старик ползал у них в ногах, прося пощадить сына. Но никакие уговоры не помогли⁸.

Исповедь Федора происходила в гостининой священнического дома в присутствии нескольких вооруженных соглядатаев. После исповеди повстанцы предложили отцу Николаю деньги «за труд», но священник естественно отверг эту гнусную мзду и именем Христа стал упрашивать их

---

⁵ Коялович М. О. О мученической смерти дьячка Федора Иозефовича Минской губернии, Пинского уезда, Святовольского прихода. Со слов вдовы замученного Домны Иозифовичевой / Три мученические кончины // День. – 1863. – № 29. – С. 11.

⁶ Скрынченко Д. Памяти повешенного поляками псаломщика Юзефовича // Минское Слово. – 1909. – № 722. – С. 2.

⁷ В рапорте в Минскую консисторию местный благочинный Тихонович называл фамилию руководителя отряда – Траугут. По другим свидетельствам командиром повстанческого отряда был Рогинский.

⁸ Коялович М. О. Указ. соч. – С. 11.

пощадить жизнь своего сослуживца, хотя бы ради его малолетних детей. О том же, стоя на коленях, умоляла и супруга отца Николая. Но как бы назло повстанцы заявили, что повесят Юзефовича у ворот священнического дома и уже стали делать к тому приготовления. С большим трудом отец Николай сумел убедить не делать его двор местом убийства. Тогда повстанцы сговорились повесить Юзефовича на вербе, как раз напротив его дома, находившегося через дорогу. Вместе с тем они потребовали, чтобы во время казни присутствовал и сам священник, но, услышав об этом, отец Николай впал в глубокий обморок, так что его оставили в покое⁹.

Повесили Федора Юзефовича на вербе возле его дома на глазах у всей семьи. Можно представить, какая это была душераздирающая сцена. По воспоминаниям сына, веревка, видимо, неплотно охватила шею, так как его отец ухватился за дерево и несколько ослабил петлю. Заметив это, повстанцы потянули страдальца за ноги и умертвили его¹⁰. Было Федору в то время не многим более тридцати лет.

К телу повешенного приставили охрану, чтобы оно оставалось висеть «до третьего дня» и чтобы, по словам вешателей, «не только десятый, но и двадцатый видел и знал, как противодействовать полякам». При этом, воображая себя «рыцарями-благодетелями», оставили жене повешенного 30 рублей «на воспитание детей». Только постыдная эта подачка напоминала более циничное издевательство, нежели благодеяние¹¹.

После убийства псаломщика весь отряд собрался на дворе священнической усадьбы. «Гости» хозяйничали в

⁹ Станкевич В. Г. Письмо в Редакцию // Минские епархиальные ведомости. – 1910. – № 1. – С. 19–20.

¹⁰ Скрынченко Д. Ф. Я. Юзефович (повешен поляками 1 июня 1863 г.) // Минские епархиальные ведомости. – 1909. – № 11. – С. 274.

¹¹ Коялович М. О. Указ. соч. – С. 11.

доме, амбарах, конюшне, забрали все, какие нашпи, съестные припасы, а также муку, овес, повозки, упряжь и тому подобное. Затем частью там же на дворе, а частью на кладбище, расположенном при усадьбе за сараями, разложили костры и почти до вечера харчевались. Уходя из деревни, повстанцы забрали с собой и отца Николая. Его повезли в лес, в урочище под названием «Млынóк», где была мельница, и там хотели повесить, для чего на одной из сосен уже приготовили веревку. Но появившийся неожиданно какой-то помещик, знакомый повстанцам, с большим трудом упробил их не убивать священника. Тогда отцу Николаю «на память» остригли волосы и бороду, переодели в жупан и отправили едва живого домой на телеге проезжавшего мимо крестьянина. В таком виде он и был доставлен уже на следующий день в Великую Гать. Примечательно, что, перед тем как отца Николая собирались повесить, повстанцы предложили ему вступить в их отряд¹².

Хотя отец Николай и избежал смерти, радости особой не было – в Великой Гати его встретили неутешные вдова и малолетние дети Юзефовича. «С большим прискорбием сердца моего доношу, – писал он в рапорте благочинному, – что стихарный дьячок Федор Юзефович 1 июня 1863 года в 10 часов утра польскими инсургентами повешен»¹³.

Отпели и похоронили псаломщика Федора в Святой Воле рядом с приходской церковью.

Повстанческий отряд, совершивший убийство Юзефовича, после описанных событий двинулся через фольварки Плянту и Молодово к деревне Поречье.

¹² Станкевич В. Г. Указ. соч. – С. 20.

¹³ Цит. по: Скрынченко Д. Памяти повешенного поляками псаломщика Юзефовича // Минское Слово. – 1909. – № 722. – С. 2.

Когда военный начальник Пинского уезда получил известие о действиях повстанцев и их передвижениях, он направил в Поречье под командованием штабс-капитана Трофимова 13-ю роту Полтавского резервного пехотного полка с 10 казаками. Однако, придя на место, Трофимов не застал повстанцев и, узнав, что они направились к деревне Мохры, немедленно двинулся туда. В то же время полковник Назимов выслал из Пинска наперерез повстанцам 14-ю роту с 50 стрелками и 5 казаками под командованием капитана Тишецкого. Обе роты соединились близ деревни Кончичи и, преследуя неприятеля, настигли его 5 июня у деревни Вульки. Увидев приближающийся русский отряд, повстанцы бросились из деревни, где отдыхали, и бежали к близлежащим топким болотам, поросшим лесом. Военные преследовали беглецов до тех пор, пока те совершенно не скрылись из вида. При этом повстанцев было убито 20 человек, а со стороны военных убито двое солдат и четверо ранено, один из которых вскоре умер¹⁴.

После столкновения у Вульки обе роты вернулись в Пинск. В это же время уездному военному начальнику доложили о появлении повстанческого отряда в местечке Столин (некоторые предполагали, что это был тот самый отряд). Против него тотчас же выслали под начальством майора Камрера 17-ю и 20-ю роты Полтавского резервного пехотного полка и 5 казаков. Настигнув повстанцев 11 июня за местечком Столин, майор Камрер дал бой. После двухчасовой перестрелки он штыковой атакой опрокинул неприятеля, загнав его в болото. Это был крупный повстанческий

---

¹⁴ Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 2. Переписка о военных действиях с 10 января 1863 по 7 января 1864 года. – Вильно, 1915. – С. 207–208.

отряд численностью около 500 человек под командованием Траугута. Чтобы окончательно разбить неприятеля, майор Камрер блокировал засевших в болоте повстанцев и отправил посыльного с просьбой прислать в помощь еще одну роту. 12 июня из Пинска вышла под командой поручика Петровского 19-я рота с 50 стрелками и 5 казаками. Между тем повстанцам удалось выбраться из болот и уйти от преследования¹⁵.

До августа в Пинском уезде о повстанцах слышно не было. Однако утром 6 августа пинский военный начальник получил донесение, что повстанческий отряд численностью до 500 человек пришел из Слонимского уезда и расположился «на позиции близ корчмы Млынок, у границы Пинского уезда». Об этом сразу же были извещены командиры 13-й, 15-й и 17-й рот Полтавского резервного полка, находившихся вблизи указанной местности. В поддержку им из Пинска выступила 5-я стрелковая рота с 13 казаками под командой майора Синицина, который должен был взять на себя командование всеми четырьмя ротами.

Между тем командовавший 13-й ротой подпоручик Гербановский, находившийся в Святой Воле, не дожидаясь прибытия остальных рот, немедленно отправился по указанному направлению и близ села Вулька-Обровская застал повстанцев врасплох в то время, когда многие из них спали. Когда военные открыли батальонный огонь, повстанцы врасыпную бросились бежать, не сделав ни единого выстрела. Преследование продолжалось достаточно долго. Прибывшие к месту боя остальные роты нашли дело уже законченным. Для продолжения преследования в соседние леса Слонимского уезда послали несколько отрядов, человек по 100 каждый, но ни один из них не смог добыть сведений

¹⁵ Архивные материалы Муравьевского музея... – С. 208.

о дальнейшем направлении рассеявшихся повстанцев. Когда поступило известие, что для поисков разбитого повстанческого отряда из Слонима выслано шесть рот, эти команды возвратились в Пинский уезд¹⁶.

После смерти Федора Юзефовича в его семействе осталось пятеро сирот: Алексей (ученик Пинского училища) 11 лет, Екатерина 7 лет, Николай 5 лет, Анна 4 года и Мария 1 год¹⁷. Отец его, семидесятилетний священник, не перенес горя и 27 июля скончался, сойдя в могилу вслед за своим сыном¹⁸.

Об убийстве Юзефовича общественности одной из первых сообщила московская газета «День», издаваемая И. С. Аксаковым. Материал о подробностях трагедии в редакцию прислал профессор Санкт-Петербургской духовной академии М. О. Коялович, пристально следивший за событиями, происходившими в родной ему Белоруссии. Препровождая материал И. С. Аксакову, Коялович писал: «Сообщаю вам два описания: мученической кончины сельского учителя в Ковенской губернии Викентия Смольского¹⁹ и дьячка Федора Юзефовича в Минской губернии – этих невидных деятелей в нашем народном деле, но, может быть, действовавших на него самым благотворным образом. Оба они стояли у самого корня народной жизни. Дела этих маленьких по положению людей нелегко могут быть известны теперь, когда наше внимание так задавливается крупными и грозными событиями. Некому взяться за раскрытие этих дел,

¹⁶ Архивные материалы Муравьевского музея... – С. 301–302.

¹⁷ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 40834. Л. 269 об.

¹⁸ *Скрынченко Д.* Памяти повешенного поляками псаломщика Юзефовича // Минское Слово. – 1909. – № 722. – С. 2.

¹⁹ **Смольский Викентий** – православный сельский учитель, служивший в местечке Субочь Поневежского уезда Ковенской губернии. Повешен повстанцами. – Г. Ш.

да и некогда. Но должно быть кому, и должно быть когда – очертить хоть общее положение этих мучеников народного дела. Не должно быть, чтобы они сошли в тишину в безвестности об их подвигах. Сообщаемые описания их службы могут послужить хоть отчасти выполнением этого народного долга»²⁰.

Как только была получена эта печальная корреспонденция, редакция тотчас же выслала семье Юзефовичей через М. О. Кояловича 50 рублей серебром из сумм пожертвований, поступавших в редакцию «в пользу семейств жителей, пострадавших от польских мятежников»²¹.

В скором времени на поддержание пострадавшего семейства Виленский генерал-губернатор М. Н. Муравьев передал через Минского временного военного губернатора В. И. Заболоцкого 400 рублей²², а Святейший Синод выдал семье Юзефовичей единовременное пособие в 150 рублей и назначил ежегодное содержание в 40 рублей, составлявшее годовой оклад псаломщика²³.

Восстание к концу года было подавлено – польское дело на белорусских землях в очередной раз потерпело фиаско. Жизнь возвращалась в привычное русло. Отплакало семейство Юзефовичей. Дети со временем выросли и жили самостоятельной жизнью. Минуло 40 лет...

В начале 1903 года младшая дочь Федора Юзефовича Мария, учительница Свирянской церковно-приходской школы Слонимского уезда, обратилась в Минскую духовную консисторию с просьбой разрешить ей поставить памятник отцу на земле, принадлежавшей Святовольской церкви. По

²⁰ Коялович М. О. Указ. соч. – С. 10.

²¹ Там же. – С. 11.

²² Скрынченко Д. Памяти повешенного поляками псаломщика Юзефовича // Минское Слово. – 1909. – № 722. – С. 2.

²³ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 30545.

ее словам, могила отца после перестройки храма оказалась под спудом, а ей хотелось бы иметь видимый знак погребения своего родителя. Мария Федоровна предложила и надпись на предполагаемом памятнике: «На сем месте умер в 1863 г. от польских мятежников за веру и отечество Феодор Юзефович». Минская духовная консистория дала разрешение, и в Великой Гати на месте, где повесили Федора Юзефовича, его дочь установила небольшой памятник²⁴.

С течением времени память о псаломщице Федоре не утратилась – о нем нередко упоминалось в церковных публикациях, посвященных восстанию²⁵. В начале 1870-х годов имя Федора Юзефовича в числе 349 имен жертв, погибших от рук повстанцев в 1863 году, было начертано золотыми буквами на памятных досках из черного гранита в Пречистенском соборе в Вильно. Эти памятные списки сохранились до сего дня.

Воспоминания о невинных жертвах польского восстания еще более оживились в начале XX столетия, когда после выхода в апреле 1905 года известного указа «Об укреплении начал веротерпимости» в западных областях империи стала активно меняться национально-конфессиональная обстановка. Так, в Белоруссии в это время заметно активизировалась польская и католическая пропаганда, стали нередкими случаи перехода из православия в католичество. В селах искусственно открывались польские школы, часто там, где в них совершенно не было никакой нужды, и притом во многих случаях в обход закона, тайно. Ксендзы раздавали народу листовки с призывами переходить в католичество,

²⁴ *Скрынченко Д.* Памяти повешенного поляками псаломщика Юзефовича // Минское Слово. – 1909. – № 722. – С. 2.

²⁵ Пятидесятилетие (1839–1889) воссоединения с Православной Церковью Западно-русских униатов. Соборные деяния и торжественные служения 1839 г. – СПб., 1889 и др.

распространяли слухи о якобы законном восстановлении унии. Помещики-поляки оказывали разного рода давление на крестьян. Так, например, некоторые помещики соглашались сдавать земли в аренду крестьянам только в том случае, если последние примут католицизм. Вот что писал о создавшейся ситуации обер-прокурор Святейшего Синода К. П. Победоносцев: «...отпадения лишь в редких случаях зависят от сознательного убеждения. А на окраинах наших они совершаются без всякого убеждения, давлением на массу. Давлением от помещиков, чиновников, ксендзов, там, где прошла рука польского владычества, как в Северо-Западном крае, на массу, состоящую в материальной зависимости»²⁶.

Когда все более и более нарастающая польско-католическая пропаганда стала печальной реальностью, а национальные и конфессиональные проблемы заметно обострились, в церковной среде начала пробуждаться и историческая память. Тогда вновь вспомнили о жертвах восстания 1863–1864 годов.

Именно в это время в среде минского духовенства возникла идея увековечить память псаломщика Федора Юзефовича сооружением ему достойного памятника. На проходившем 3–10 октября 1908 года Минском епархиальном съезде духовенства был инициирован вопрос о сооружении памятников погибшим в Минской епархии от рук повстанцев священнику Даниилу Конопасевичу и псаломщику Федору Юзефовичу. Тогда же был образован Комитет по сбору пожертвований на строительство памятников. Председателем Комитета избрали соборного протоиерея Владимира Успенского, а членами – священника заславльской церкви

²⁶ Цит. по: *Ореханов Георгий, иерей*. На пути к Собору. Церковные реформы и первая русская революция. – М.: Изд. Правосл. Свято-Тихоновского Богослов. института, 2002. – С. 73.

Петра Сущинского и священника богушевичской церкви Евгения Мальцева. Кроме подготовки проекта памятников и сбора необходимых средств Комитету поручалось как можно торжественнее отпраздновать освящение и открытие памятников, а также издать особый листок с описанием жизни и мученического подвига отца Даниила Конопасевича и псаломщика Федора Юзефовича. Памятники было поручено поставить не позднее весны или лета 1909 года. Кроме того, участники съезда постановили «просить духовенство епархии занести имена священника Конопасевича и псаломщика Юзефовича в церковные поминальники для вечного поминовения, а в ближайший воскресный день ко дню их смерти совершать в церквах панихиды об упокоении их души с произнесением соответствующих поучений»²⁷.

Однако едва благое дело было начато, как пришли и искушения. Появились непредвиденные препятствия, и все дело стало затягиваться. Вот что писал священник Петр Сущинский в сентябре 1909 года на страницах «Минских епархиальных ведомостей» об искушениях, с которыми пришлось ему столкнуться: «Крепкими словами назвали меня и на страницах газет и в частной переписке. Грешен, не мог спокойно отнестись к незаслуженной обиде, кровью обливалось сердце, болела душа, падала энергия. Но твердое убеждение в том, что Минская епархия, по примеру Киевской и Волынской, должна увековечить память борцов за русское православное дело, никогда меня не покидала.

Я верю, что незабвенные могилы о. Конопасевича и Юзефовича будут украшены часовнями, где русскому православному человеку можно будет излить в молитве

²⁷ Постановление Минского Епархиального съезда духовенства // Минские епархиальные ведомости. – 1908. – № 20–21. – С. 717–720.

свою душу и помянуть самоотверженных страдальцев за отчизну»²⁸.

Уже к 1910 году хлопотами отца Петра было собрано более 1000 рублей пожертвований.

Между тем выяснилось, что на могиле священника Даниила Конопасевича еще в 1870 году был установлен памятник, сооруженный на пожертвования духовенства Минской епархии. Нуждался он лишь в реставрации²⁹. Таким образом, задача облегчалась, поскольку средства теперь были необходимы главным образом на проект и изготовление памятника Федору Юзефовичу. Впрочем, дело двигалось медленно — установлен памятник был, не как предполагалось в 1909-м, а лишь в 1911 году. Сооружен он был, как сообщали газеты, «на средства, пожертвованные русскими людьми, патриотами». Первоначально памятник планировалось установить в Святой Воле возле храма, но жители Великой Гати упростили устроителей поставить его непременно в их деревне — там, «где поляки произвели над несчастным Юзефовичем свой скорый, но не праведный и не милостивый суд»³⁰.

Торжественное открытие и освящение памятника состоялось 14 сентября 1911 года «при стечении народа». На торжество в Великую Гать от Минского православного народного братства прибыла делегация в лице священника Петра Сущинского и отставного полковника Ивана Андреевича Манцветова.

---

²⁸ *Сущинский Петр, священник*. Письмо в редакцию // Минские епархиальные ведомости. — 1909. — № 18. — С. 461–462.

²⁹ Копия рапорта на имя Минской Духовной Консistorии бывшего настоятеля Минского Кафедрального собора, протоиерея Владимира Успенского, от 7 мая 1910 года за № 198 // Минские епархиальные ведомости. — 1910. — № 21. — С. 436–437.

³⁰ Памятник псаломщику Федору Юзефовичу // Минское Слово (иллюстрированное приложение). — 1912. — № 4. — С. 4.

Памятник был выполнен из черного шведского гранита и представлял собой большой четырехконечный крест на ступенчатом основании. Стоял он на широком ступенчатом же постаменте, изготовленном из более дешевого материала. Надпись на верхней лицевой грани памятника гласила: «Псаломщику Федору Яковлевичу Юзефовичу, повешенному поляками в 1863 году». На нижней лицевой части монумента значилось: «От православного духовенства и паствы». Заднюю нижнюю часть украшали стихи:

Слава за веру борцам,
Верным России сынам,
Тем, что готовы отдать
Душу за Родину-мать!

Памятник окружала ажурная металлическая ограда. По воспоминаниям старожилов, находился он в самом центре деревни на небольшой площади.

Сохранилась фотография памятника, опубликованная в иллюстрированном приложении к «Минскому Слову» № 4 за 1912 год.

Недолго, однако, суждено было простоять памятному кресту. В 1921 году по результатам Рижского договора западная часть Белоруссии вошла в состав Польши, на территории которой оказалась и деревня Великая Гать. Вскоре польские оккупационные власти обратили внимание на памятник и надпись на нем. По их распоряжению памятник был демонтирован, а фамилия Юзефовича включена в реестр врагов Речи Посполитой³¹. Разрушен был и небольшой памятник, установленный на месте гибели псаломщика его дочерью Марией Федоровной. Так были уничтожены

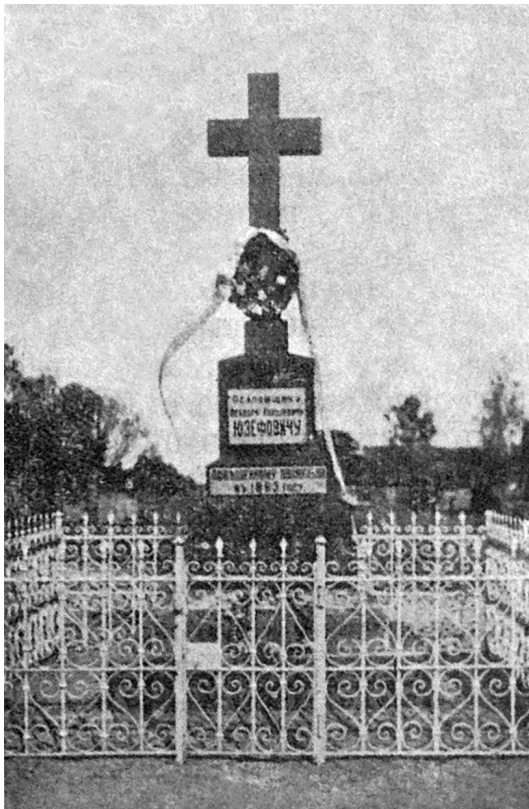
³¹ *Лиходёдов Владимир*. Время все ставит на свои места // Советская Белоруссия. – 2013. – № 145 (24282), 13 июля. – С. 9.

*Памятные гранитные доски с именами жертв польского восстания
1863–1864 годов в Пречистенском соборе города Вильнюса*

Имя псаломщика Федора Юзефовича на памятной гранитной доске среди имен жертв польского восстания 1863–1864 годов

Памятный крест псаломщику Федору Юзефовичу, установленный в 1911 году в деревне Великая Гать

*Крест на кладбище в деревне Великая Гать,
сооруженный в память псаломщика Федора Юзефовича
(фото иерея Гордея Щеглова, 2007 год)*

видимые знаки, напоминавшие об убийстве польскими повстанцами православного церковнослужителя.

Спустя некоторое время в Великой Гати произошла любопытная история. Местных парней стали призывать на службу в польскую армию. И вот как-то трое таких призывников решили сделать своего рода «оброк» (обет), чтобы Господь благословил их и сохранил от всякой опасности во время службы. За ночь в лесу они вырубали топорами деревянный крест и к утру установили его возле того места, где стоял раньше памятник. Так этот обетный крест и остался стоять там на многие годы. Случай этот красноречиво свидетельствует о том, что местные жители почитали памятник-крест как святыню.

Уже во времена советской власти обетный крест вместе с еще несколькими придорожными крестами был ночью спилен местными активистами и брошен в канаву. Обнаружив наутро, что креста нет, жители деревни разыскали его, достали из канавы и установили на кладбище, где он находится и поныне³². И хотя в деревне давно позабылась история, происшедшая в далеком 1863 году, к этому месту сохраняется особое уважение. Лишь старожилы еще помнят о «каком-то» повешенном человеке, да еще о «золотом кресте» (?), что стоял когда-то в их деревне.

Бурный XX век, полный политических и социальных потрясений, изгладил из народной памяти многие исторические события. Казалось, было забыто и имя Федора Юзефовича.

Но с пробуждением в нашем Отечестве исторической памяти вспомнилось и имя Святовольского псаломщика. В

³² Сейчас крест почти на метр меньше прежнего. Со временем он подгнил у основания и обломился, так что местным жителям пришлось вкопать его снова, за счет чего он потерял в высоте.

2007 году вышло второе издание книги «Год 1863. Забытые страницы», в которой были реконструированы обстоятельства мученической кончины Федора Юзефовича³³. Позже появилось третье издание, дополненное новыми материалами³⁴.

А совсем недавно нашелся и памятник, установленный Юзефовичу в 1911 году!

Разыскал его известный белорусский коллекционер и исследователь Владимир Лиходедов. Поскольку в круг его интересов входят и старинные памятники, он заинтересовался памятником на старом католическом кладбище в Коссово, «восстановленным» в 2005 году на могиле участников восстания 1863 года.

Исследователь начал разыскивать информацию об этом памятнике, но за несколько лет поисков так и не смог найти о нем никаких сведений. Отсутствовали и старые снимки. Тогда В. Лиходедов решил выехать на место в надежде найти там хоть какую-нибудь информацию или зацепку.

При въезде в городок Коссово, со стороны Ивацевичей, с правой стороны находится католическое кладбище, у края которого возвышается черный гранитный крест на ступенчатом постаменте. На передних гранях надписи на польском языке: «11 ноября 1928 г. в годовщину 10-летия независимости, польским повстанцам, погибшим в 1863 году в повете Коссовском – жители повета» и «Здесь покоится прах повстанцев Красинского, Лукашевича и неизвестного». Текст вырезал Ц. Лев из Пружан. Местные жители

³³ *Щеглов Г. Э.* Год 1863. Забытые страницы. – 2-е изд., доп. – Минск: Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске Минской епархии Белорусской Православной Церкви, 2007. – 98 с.

³⁴ *Щеглов Гордей, священник.* Год 1863. Забытые страницы. – Минск: ВРАТА, 2013. – 128 с.: ил.

рассказали, что первоначально крест установили в 1928 году. Простоял он до 1939 года, когда группа красноармейцев при помощи грузовика сбросила крест с постамента, который вместе с надписями остался нетронутым. Более 60 лет крест пролежал на кладбище, сросшись с землей, пока в 2005 году его не вернули на прежнее основание местные энтузиасты.

Лиходедов вспоминал: «...Я возвращался из Коссово разочарованным: практически ничего нового об истории памятника не узнал. Но всю дорогу меня преследовала мысль, что этот памятник я где-то уже видел. Дома я тщательно просмотрел всю свою коллекцию старых фото и открыток с видами памятников – ничего. И тут вспомнил!.. Беру иллюстрированное приложение к “Минскому Слову” за 1912 год, сердце колотится. Какая удача! Вот он?! Памятник Юзефовичу! На первый взгляд, есть сомнения, но при детальном рассмотрении уверенность крепнет с каждой секундой. Несмотря на не совсем четкую фотографию в газете, сходство поразительное. И тут и там черный гранит. Крест и две верхние ступени с постамента, только уже с другими надписями, одинаковы. Не хватает только массивной нижней части постамента от памятника Юзефовичу и ступеней к нему»³⁵. Коллекционер тут же поделился новостью со своим московским другом и коллегой, крупнейшим специалистом по изучению памятников Российской империи Кириллом Соколом. Тот подтвердил его догадки, сказав, что для специалиста по обработке камня сделать новую надпись на месте старой не составляет труда, а также выразил готовность немедленно приехать для более детального изучения памятника. После повторного осмотра, проведения замеров и определения пропорций сомнений не осталось – это один и тот же памятник! В пользу этой версии

³⁵ Лиходедов Владимир. Указ. соч.

говорили и многие другие факты. Польша в 1920–1930-х годах не имела собственного гранита и использовала этот дорогой материал крайне редко, в особо значимых случаях. Трудно представить, что для почти неизвестной могилы в захолустном местечке кем-то был заказан за границей памятник из дорогого гранита. В этот период польские памятники в большинстве изготавливались из металла, бетона и гипса даже для таких значимых фигур, как Пилсудский, Костюшко, Мицкевич... Также в те годы была распространена переделка русских памятников. Подобное произошло с памятником Отечественной войны 1812 года в Кобрине. В 1920-е годы польские власти сняли с памятника бронзового орла и доски с надписями, водрузив на оголенный постамент бюст Костюшко. Только в 1960-х памятнику вернули прежний вид. В межвоенные годы меняли облик монументы во Влодаве, Войславце, Желтках, Кжешове...

«Конечно, было бы здорово найти еще и документальные свидетельства разборки и переноса памятника, – считает Владимир Лиходедов. – Без них, наверное, существует небольшая вероятность того, что мы ошибаемся. Но это была бы еще более удивительная история. Два совершенно одинаковых памятника, поставленных в разное время разными странами бывшим врагам»³⁶.

Сегодня экскурсии, приезжающие в Коссово, начинают знакомиться с местными достопримечательностями именно у черного гранитного креста на старом католическом кладбище. Экскурсовод повествует о событиях 1863 года, как о «национально-освободительном восстании против царизма в Польше, Беларуси и Литве», рассказывает о «героизме и самоотверженности участников восстания», о жестоком

³⁶ Лиходедов Владимир. Указ. соч.

генерал-губернаторе М. Н. Муравьеве и тому подобное³⁷. Естественно, здесь не услышишь о повешенных православных священниках Данииле Конопасевиче, Константине Прокоповиче, Романе Рапацком, псаломщике Федоре Юзефовиче, сельских учителях Викентии Смольском и Константине Котлинском, крестьянах Григории Полетило, Константине Шведе, Василии Хомычуке, Иосифе Седуне, о закопанном живьем Иване Макаревиче и о сотнях других невинных жертв, убитых повстанцами. И совсем непривлекательно выглядит история, когда памятник установленный жертве в память о трагической кончине, отнят и установлен людям, которые вполне могли быть свидетелями, а возможно, и участниками расправы. Пусть этот крест остается там, где он сегодня стоит. Но пусть те, кто приходит к нему почтить память сражавшихся за польские интересы, знают, что отнят он у жертвы!

А память псаломщика Федора и сегодня почтена памятным монументом. По благословению архиепископа Пинского и Лунинецкого Стефана, настоятель Свято-Вольской Крестовоздвиженской церкви протоиерей Николай Левшук инициировал сооружение Юзефовичу каменного памятника. За образец он взял памятник, увиденный на Валааме, где отец Николай в 2007 году побывал в паломничестве с учениками воскресной школы. Приглянувшийся ему памятник стоит на монастырском Игуменском кладбище на могиле валаамского настоятеля игумена Дамаскина (†1881). Именно по его образу и был сооружен памятник псаломщику Федору, установленный в 2012 году на кладбище в Великой Гати на месте деревянного креста, о котором

³⁷ Экскурсионный маршрут: г. Ивацевичи – г. Коссово – урочище Морочевщина – г. Ивацевичи [Электронный ресурс]. – ivacevichi.edu.by/sm_full.aspx?guid=20073. – Дата доступа: 22.07.2013.

говорилось выше. Памятник представляет собой большой восьмиконечный крест на прямоугольном основании, где начертано: «Псаломщик Свято-Вольской церкви Феодор (Юзефович) замучен мятежниками в 1863 году». Установлен он на массивном постаменте из красного гранита, по образу валаамского памятника.

Будем же помнить о жертвах, пострадавших в 1863 году от рук польских повстанцев, и не забывать, к чему приводит увлечение сомнительными идеями. И еще. Отрадно, что пожелания, высказанные 150 лет назад профессором М. О. Кояловичем о том, что «мученики народного дела», стоявшие «у самого корня народной жизни», не должны сойти «в тишину в безвестности об их подвигах», исполняются...

Крест, установленный в 1928 году на старом католическом кладбище города Косово на могиле повстанцев Красинского, Лукашевича и неизвестного (фото Владимира Лиходедова, 2013 год)

Памятник, вид сбоку (фото Владимира Лиходедова, 2013 год)

*Памятник на могиле игумена Дамаскина (†1881)
на Игуменском кладбище Валаамского монастыря
(фото протоиерея Николая Левшука, 2007 год)*

Протоиерей Николай Левшук у памятника псаломщику Федору Юзефовичу на кладбище в деревне Великая Гать (фото Владимира Лиходеева, 2013 год)

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архивные материалы Муравьевского музея, относящиеся к польскому восстанию 1863–1864 гг. в пределах Северо-Западного края. Ч. 2. Переписка о военных действиях с 10 января 1863 по 7 января 1864 года. – Вильно, 1915. – 466 с.
2. Копия рапорта на имя Минской Духовной Консistorии бывшего настоятеля Минского Кафедрального собора, протоиерея Владимира Успенского, от 7 мая 1910 года за № 198 // Минские епархиальные ведомости. – 1910. – № 21. – С. 433–440.
3. *Коялович М. О.* О мученической смерти дьячка Федора Иозефовича Минской губернии, Пинского уезда, Святовольского прихода. Со слов вдовы замученного Домны Иозифовичевой / Три мученические кончины // День. – 1863. – № 29. – С. 11.
4. *Лиходедов Владимир.* Время все ставит на свои места // Советская Белоруссия. – 2013. – № 145 (24282), 13 июля. – С. 9.
5. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 136. Оп. 1. Д. 30545.
6. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 136. Оп. 1. Д. 40834.
7. Национальный исторический архив Беларуси. Ф. 1418. Оп. 3. Д. 1.

8. О православных священниках и прочих лицах, пострадавших во время последнего польского мятежа // Вестник Виленского Св.-Духовского Братства. – 1813. – № 13–14. – С. 251–254; № 15–16. – С. 278–281.
9. *Ореханов Георгий, иерей*. На пути к Собору. Церковные реформы и первая русская революция. – М.: Изд. Правосл. Свято-Тихоновского Богослов. института, 2002. – 224 с.
10. Памятник на могиле псаломщика Юзефовича // Вестник Виленского Св.-Духовского Братства. – 1911. – № 13–14. – С. 272.
11. Памятник псаломщику Федору Юзефовичу // Минское Слово (иллюстрированное приложение). – 1912. – № 4. – С. 4.
12. Пинск. Памятник герою-мученику // Вестник Виленского Св.-Духовского Братства. – 1911. – № 18. – С. 345.
13. Постановление Минского Епархиального съезда духовенства // Минские епархиальные ведомости. – 1908. – № 20–21. – С. 717–720.
14. Пятидесятилетие (1839–1889) воссоединения с Православной Церковью Западно-русских униатов. Сборные деяния и торжественные служения 1839 г. – СПб.: Синод. тип., 1889.
15. *С[вященник] П[етр] С[ущинский]*. К воспоминаниям о священнике Богушевичской церкви Д. Конопасевиче // Минские епархиальные ведомости. – 1909. – № 11. – С. 262–273.
16. *Скрынченко Д.* Памяти повешенного поляками псаломщика Юзефовича // Минское Слово. – 1909. – № 722. – С. 2.
17. *Скрынченко Д. Ф. Я.* Юзефович (повешен поляками 1 июня 1863 г.) // Минские епархиальные ведомости. – 1909. – № 11. – С. 273–274.

18. *Станкевич В. Г.* Письмо в Редакцию // Минские епархиальные ведомости. – 1910. – № 1. – С. 19–21.
19. *Сущинский Петр, священник.* Письмо в редакцию // Минские епархиальные ведомости. – 1909. – № 18. – С. 461–462.
20. *Щеглов Гордей, священник.* Год 1863. Забытые страницы. – Минск: ВРАТА, 2013. – 128 с.: ил.
21. *Щеглов Г. Э.* Год 1863. Забытые страницы. – 2-е изд., доп. – Минск: Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске Минской епархии Белорусской Православной Церкви, 2007. – 98 с.

Духовно-просветительное издание

Щеглов Гордей Эдуардович

Отнятый крест

Редактор *священник Гордей Щеглов*
Компьютерная верстка и дизайн *Е. В. Шабад*
Корректор *Е. А. Шлыкович*

Подписано в печать *хх.хх.хххх*. Формат *хххххх/хх*
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. *хх,х*. Уч.-изд. л. *хх,х+х,х* вкл. Тираж 1000 экз.
Заказ № *хххх*.

Братство в честь Святого Архистратига Михаила в г. Минске
Минской епархии Белорусской Православной Церкви.
ЛВ № 02330/0494311 от 04.03.2009.
220020, Беларусь, Минск, пр. Победителей, 82;
т. [8-017] 250-14-18.